

Маленькая страна

ВСЕМ известно, что советское детство сделано из веснушек, хлопшек, линеек и батареек, — правда, отравлено тоталитарным воспитанием. Советский ребенок формировался (или его формировали), слушал (или слушался), пока не застыл намертво в песочнице советского двора. С этой (анти)легендой надо что-то делать.

Soviet studies (и в их рамках — тема детства) давно уже стали самостоятельной научной отраслью. Но как раз здесь заинтересованный читатель подвергается расшатывающему воздействию двух противоположных дискурсов — утверждающего и разоблачительного, что часто не мешает им сосуществовать в сознании одного и того же автора.

Противоречия, всплывающие в восприятии советского детства, порождены общими заблуждениями, которые мешают понимать и описывать советскую действительность. Возьмем хотя бы феномен всепроникающей репрессивности. Мало кто догадывается о том, что в позднесоветскую эпоху репрессивность не только растворялась в повседневности, но и преодолевалась ею. И дети, и учителя, и родители виртуозно осваивали нормы пионерской организации, комсомола, школьной дисциплины и начинали вполне органично в них существовать, меняя и приспосабливая их к своим потребностям. Пожалуй, лишь Алексей Юрчак в книге «Это было навсегда, пока не кончилось»¹ последовательно доказал, что к середине 1960-х годов советская власть превратилась в фон, на который не очень-то обращали внимание. «Обретение безопасности путем риторики всеислия» — так назвала

1. См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

эту стратегию Юлия Чернявская в статье «Советское как детское: опыт двора».

Почему вообще выделяется тема детства при изучении советской действительности? Скорее всего, потому, что она была важна и для официального дискурса. И сталинское «счастливое детство», и брежневское сюсюканье насчет «единственного привилегированного класса» отражали определенную идеологию: ребенок был воплощением «человека будущего», уже живущего с нами.

Поэтому так важны утопические повествования, позволяющие в это будущее заглянуть. «Важнейшей группой потенциальных читателей фантастических утопий становились дети и подростки, — пишет Артем Кравченко в статье «Гости в будущее: „пионерская утопия“ и советская действительность». Именно им предстояло жить в обществе будущего, и именно из них должен был быть сформирован тот самый «новый человек».

Однако советская власть, погруженная в просветительский пафос, склонна была поучать и воспитывать всех подряд, и ко взрослым она относилась едва ли иначе, чем к детям. Андрей Синявский уверял, что советская власть — это соединение тюрьмы со школой, причем со школой для трудновоспитуемых или дефективных детей. Как пишет Юлия Чернявская,

...именно метафорическое состояние непрекращающегося «детства» (упрощенность и лучезарность) укреплялось в человеке как эксплицитно — снаружи и «сверху», так и имплицитно — внутренне и «снизу».

Культурная политика не только была направлена на запрет идейно вредных произведений, но и постоянно оберегала нравственность советских людей: некоторых вещей им было знать еще не положено. И школа, успешно объединявшая дисциплинарно-репрессивную и воспитательную функции, оказывалась идеальным воплощением советской системы как таковой.

Впрочем, «взрослая детскость» то и дело оборачивается «детской взрослостью»: появляется ребенок, который гораздо взрослее, чем ему следует быть. Это по-взрослому страдающие подростки Гайдара, участвующие в настоящей войне, это читатели «Пионера», которых журнал исподволь готовит ко взрослому и страшному будущему. Мария Наумова в статье «„Если завтра война...“ Подготовка к войне как часть воспитания советских школьников 1930-х годов» пишет:

Часто к читателю обращались совсем не как к ребенку, и пионер начинал привыкать к мысли, что у него, как у взрослого, есть обязанности, которые необходимо выполнять.

Детей, конечно, готовили, но они и сами готовились и писали об этом в любимый журнал:

Мне эта игра понравилась. Но это была только игра, а ведь нам придется воевать по-настоящему.

В литературе, мемуарах советское детство предстает, как правило, в двух ипостасях: институты детства (школа, пионерская организация, пионерский лагерь) и индивидуальный опыт, связанный с личными переживаниями. Стоит ли говорить, что первое и второе часто противоречат друг другу. Организация детства и проживание детства расщепляются на несколько пластов. Мы бы назвали это столкновением коллективного и индивидуального.

Тем более ценными кажутся нам «сквозные исследования», поскольку авторы стремятся в них свести воедино индивидуальный и коллективный опыт. Особенно перспективны темы чтения или радио. Для тех, кто печатает книги, журналы или организует вещание, это институты коллективного действия. Опыт же читателя и радиослушателя является индивидуальным, субъективным.

И еще: у современных исследователей нередко возникает соблазн изобразить все происходившее с детьми (и не только) как реализацию некоего единого (и зловещего) плана, тем более что сама власть подчеркивала целенаправленность и планомерность своих действий. Но сами эти планы постоянно менялись, и действия старались оправдать и обосновать, нередко — задним числом, придавая им далеко не то значение, которое они имели для участников событий. Даже такое мощнейшее коллективное орудие пропаганды, как радио, на первых порах развивалось в Советском Союзе в основном благодаря усилиям радиолюбителей-энтузиастов.

Кажется, пора задуматься о балансе организованного и стихийного в жизни советского общества, и это касается, конечно, не только «детских исследований». Без определенного и мощного запроса «снизу» многие процессы просто не могли бы происходить.

Надеемся, что методологические подходы, предложенные авторами, не только позволят выйти за пределы сложившихся стереотипов, но и заставят по-новому взглянуть на проблему, наметив векторы дальнейших исследований.

Ирина Глуценко

Кандидат культурологии, доцент Школы культурологии
НИУ ВШЭ